

СОДЕРЖАНИЕ

Список правителей	8
Введение.....	17

ЧАСТЬ I

ТЕ, КТО БЫЛ ДО ВИЛЛИ

Глава 1

Король Артур.....	29
-------------------	----

Глава 2

Король Король.....	33
--------------------	----

Глава 3

Король Нортумбрии Кеолвульф.....	45
----------------------------------	----

Глава 4

Король Мерсии Оффа.....	61
-------------------------	----

Глава 5

Да какие там короли — просто нипочему!.....	71
---	----

Глава 6

Король Альфред Великий.....	80
-----------------------------	----

Глава 7

Короли Эдуард, Этельстан, Эдмунд, Эдред, Эдвиг, Эдгар и еще один Эдуард, а еще королева Этельфледа.....	96
--	----

Глава 8

Король Этельред Неразумный.....	109
---------------------------------	-----

Глава 9

«Увидимся во вторник».....	118
----------------------------	-----

Глава 10

Парочка Кнутов.....	125
---------------------	-----

Глава 11

Король Эдуард Исповедник.....	134
-------------------------------	-----

Глава 12

Гарольд, король.....	144
----------------------	-----

Глава 13

...король Гастингса!	155
----------------------------	-----

ЧАСТЬ II ГЕРЦОГИ УДАЧИ

Глава 14	
Король Вильгельм I.....	175
Глава 15	
Король Вильгельм II.....	195
Глава 16	
Король Генрих I.....	204
Глава 17	
Король Стефан.....	218
Глава 18	
Король Генрих II.....	237
Глава 19	
Король Ричард I.....	258
Глава 20	
Король Иоанн.....	270

ЧАСТЬ III И ВНОВЬ НАЧИНАЕТСЯ ТРОН

Глава 21	
Король Генрих III.....	291
Глава 22	
Король Эдуард I.....	306
Глава 23	
Король Эдуард II.....	325
Глава 24	
Король Эдуард III.....	341
Глава 25	
Король Ричард II.....	363

ЧАСТЬ IV

ВСЕ УСЫПАНО РОЗАМИ

Глава 26	
Король Генрих IV.....	385
Глава 27	
Король Генрих V.....	392
Глава 28	
Король Генрих VI.....	405
Глава 29	
Король Эдуард IV.....	422
Глава 30	
Король Генрих VI, второй заход.....	427
Глава 31	
Король Эдуард IV, в гордом одиночестве.....	430
Глава 32	
Король Эдуард V.....	433
Глава 33	
Король Ричард III.....	435
Глава 34	
Король Генрих VII.....	444
Глава 35	
Король Генрих VIII.....	454
Глава 36	
Король Эдуард VI.....	474
Глава 37	
Леди Джейн Грей.....	480
Глава 38	
Королева Мария I.....	482
Глава 39	
Королева Елизавета I.....	491
Книжная подпорка.....	505
Список правителей.....	518

СПИСОК ПРАВИТЕЛЕЙ

РАННИЕ КОРОЛИ

Этельберт (ок. 590–616)
Этельфрит (ок. 592–616)
Редвальд (ок. 599 – ок. 625)
Эдвин Святой (ок. 616–633)
Энфрит Берницийский (633–634)
Освальд Нортумбрийский (ок. 634 – ок. 642)
Пенда Мерсийский (ок. 626 – ок. 655)
Освиу Нортумбрийский (ок. 655–670)
Эгфрит Нортумбрийский (670–685)
Кэдвелла Уэссекский (ок. 685 – ок. 688)
Этельбальд Мерсийский (716–757)
Келвильф Нортумбрийский (729–737)
Оффа Мерсийский (757–796)
Кенвильф Мерсийский (796–821)

САКСОНСКИЕ КОРОЛИ

Эгберт (827–839)
Этельвильф (839–858)
Этельбальд (858–860)
Этельберт (860–866)
Этельред (866–871)
Альфред Великий (871–899)
Эдуард Старший (899–924)
Этельстан (924–939)
Эдмунд (939–946)
Эдред (946–955)
Эдвиг (955–959)
Эдгар Мирный (959–975)
Эдуард Мученик (975–978)
Этельред Неразумный (978–1013, 1014–1016)
Свен Вилобородый (1013–1014)
Эдмунд Железнобокий (1016–1016)

Кнуд Великий (1016–1035)
Гарольд Заячья Лапа (1035–1040)
Хардекнуд (1040–1042)
Эдуард Исповедник (1042–1066)
Гарольд Годвинсон (1066–1066)

НОРМАНДСКИЕ КОРОЛИ

Вильгельм I (1066–1087)
Вильгельм II (1087–1100)
Генрих I (1100–1135)
Стефан (1135–1154)

ПЛАНТАГЕНЕТЫ

Генрих II (1154–1189)
Ричард I (1189–1199)
Иоанн Безземельный (1199–1216)
Генрих III (1216–1272)
Эдуард I (1272–1307)
Эдуард II (1307–1327)
Эдуард III (1327–1377)
Ричард II (1377–1399)

ДИНАСТИЯ ЛАНКАСТЕРОВ

Генрих IV (1399–1413)
Генрих V (1413–1422)
Генрих VI (1422–1461, 1470–1471)

ДИНАСТИЯ ЙОРКОВ

Эдуард IV (1461–1470, 1471–1483)
Эдуард V (1483–1483)
Ричард III (1483–1485)

КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ ТЮДОРЫ

Генрих VII (1485–1509)
Генрих VIII (1509–1547)
Эдуард VI (1547–1553)
Леди Джейн Грей (1553–1553)
Мария I (1553–1558)
Елизавета I (1558–1603)

Англосаксонские королевства (около 800 г. н.э.)

Средневековая Англия и ее неспокойное соседство

Северное море

Стерлинг

• Эдинбург

• Линдисфарн

Вал Адриана

Йорк

Таутон

Уэйкфилд

• Линкольн

• Ноттингем

Норидж

• Стамфорд

Уорик

Кембридж

Саттон-Ху

Тьюксбери

Глоустер

• Оксфорд

• Сент-Олбанс

Кардифф

Бат

• Виндзор

• Лондон

• Ранимед

• Кентерберн

Гастингс

Кале

Азенкур

Креси

• Руан

• Кан

Шато-Гайар

Париж

МЭН

АНЖУ

АКВИТАНИЯ

Пуатье

Ирландское море

Карнарвон

ГВИНЕД

Конунг

Вал Оффри

Гластонбери

Эксетер

Нью-Форест

Арундел

• Бувин

Англосаксонские племена

Ла-Маниш

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

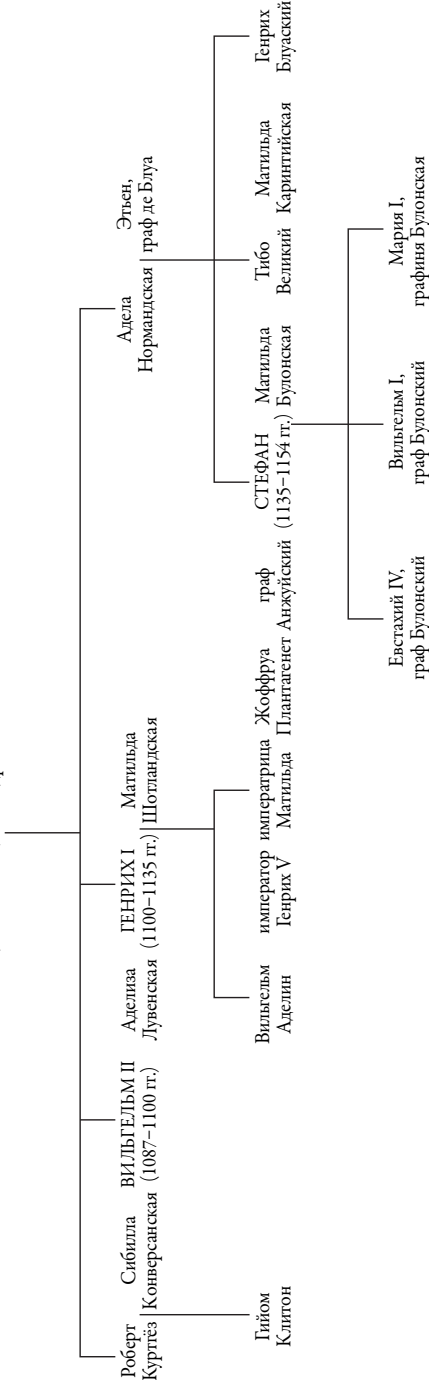
- Город
- × Битва
- Замок
- † Аббатство
-> Викинги
- - -> Англосаксы

Уэссекская династия (дом Кердика)

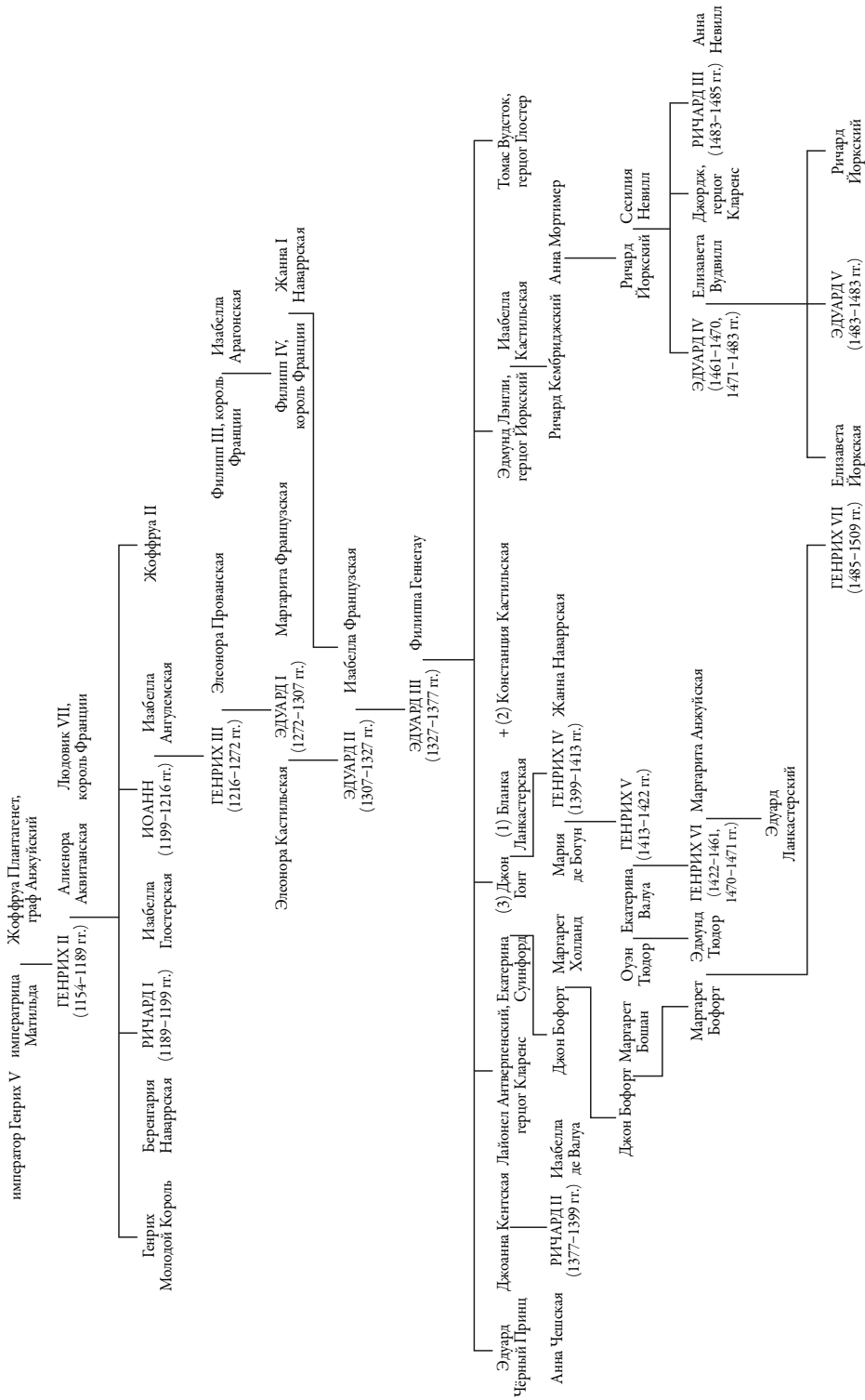

Нормандская династия

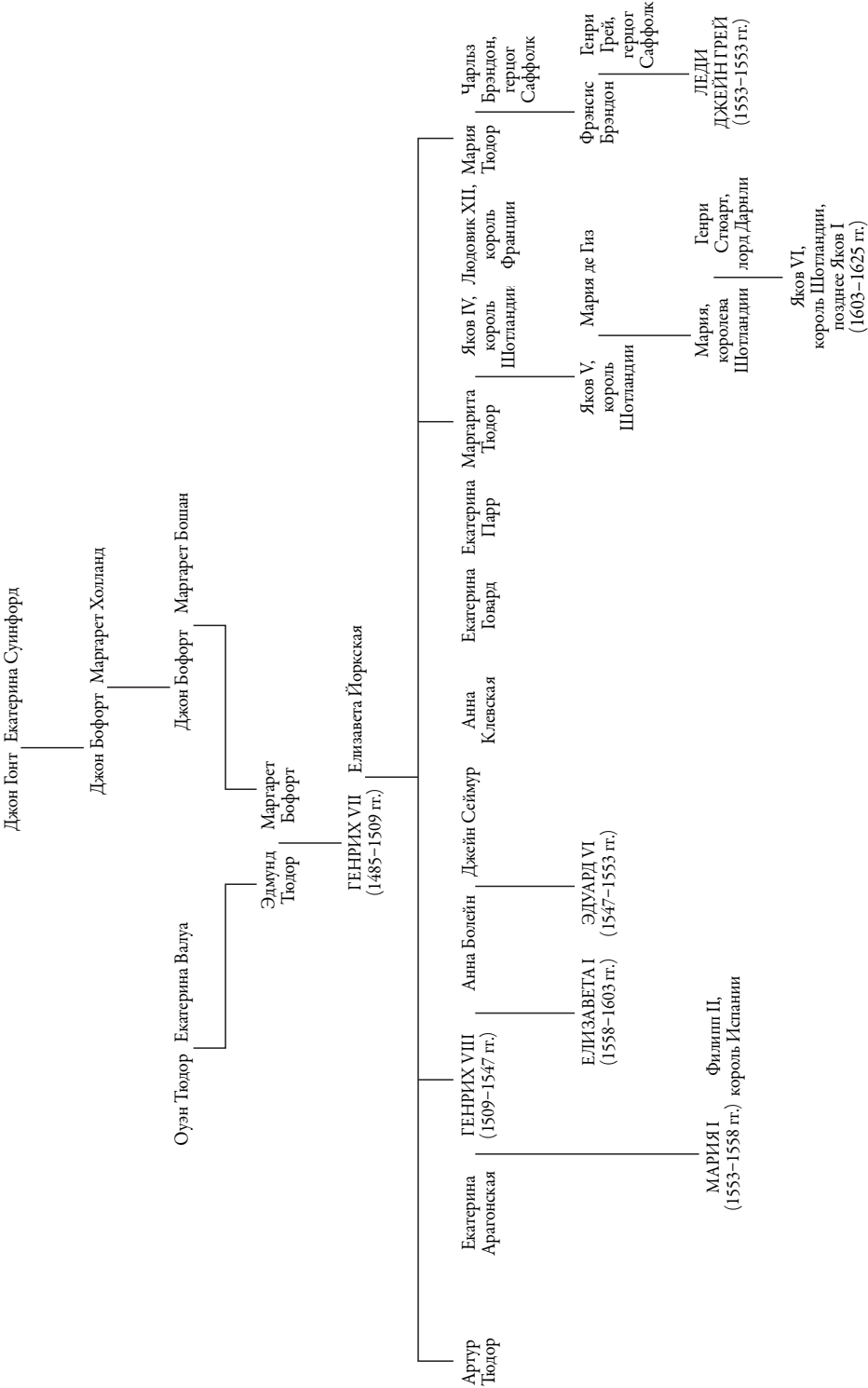
ВИЛЬГЕЛЬМ I Матильда
(1066–1087 гг.) Фландрская

Династия Плантагенстов

Династия Тюдоров

ВВЕДЕНИЕ

В 1940-м, самом мрачном году Второй мировой войны, когда вермахт крушил все на своем пути, Уинстон Черчилль сделал французскому правительству крайне необычное предложение. Почему бы, сказал он, британскому и французскому государствам не слиться в одно целое? На время войны мы могли бы стать одной страной — пламя двух наших суверенитетов будет поддерживаться в очаге единого государства, — а затем, разгромив Гитлера, мы вновь разделимся, и каждый заживет своей жизнью.

Подобные инициативы типичны для Черчилля. Это большая и причудливая идея, а он был страстным поклонником идей. Идей у него было хоть отбавляй, а еще его тянуло к людям, у которых они тоже водились в избытке. Многие из нас, возможно, полагают, что они тоже верят в идеи, но это самообман. Вера в идеи, так же как половое влечение или умение водить автомобиль, относится к тем способностям, которыми большинство людей, как они сами считают, обладают выше среднего, — однако чисто математически это невозможно.

Признайтесь: иногда идеи выглядят раздражающими, пугающими, угрожающими, и, как правило, мы слегка вздрагиваем, когда у кого-то вдруг появляется идея. Интернет некогда был просто идеей. Как и кассы самообслуживания в супермаркетах,

приватизация отвечающих за водоснабжение организаций и пирожки с начинкой. Идеи не всегда оказываются панацеей от всех болезней — они могут стать настоящей головной болью. Нам всем нравятся некоторые уже реализованные идеи — нормальная пицца, посудомоечные машины, свобода слова, — но мы не очень верим в те, которым еще только предстоит войти в нашу жизнь. Чаще всего мы думаем, что проблема — это именно то, что мы видим, и решать ее следует одним из привычных способов, так, как это всегда делалось. И обычно мы правы. Когда прорывает трубу, нам требуется сантехник, а не футуролог с горящими глазами, который скажет: «А что, если бы мы могли построить такой мир, где нам вообще не нужна была бы вода?..»

Черчилль отличался от обычных людей. Стороннику идеи о том, что вода — пережиток прошлого, он предоставил бы возможность изложить все свои доводы и выделил бы ему скромный бюджет на дальнейшие исследования. В премьерство Черчилля Великобритания была великой державой, все сильнее страдавшей от дефицита ресурсов. Россия или Америка всегда могли найти решение, просто выставив побольше солдат на поле боя или потратив еще больше денег. Великобритании же, чтобы сохранить свой геополитический статус, приходилось изыскивать разного рода хитроумные способы, и вот тут свежая перспективная идея всегда оказывалась кстати.

Поэтому во время Первой мировой войны, когда ситуация на Западном фронте зашла в кровавый тупик, Черчилль выдвинул идею напасть на Турцию. Полагаю, это был вполне разумный план. Обветшавшая Османская империя в военном отношении была гораздо слабее Германии или даже Австро-Венгрии. К сожалению, порожденная этой идеей Галлиполийская кампания 1915 года обернулась полным фиаско и оставила за собой на побережье Эгейского моря плотный слой одетых

в хаки трупов: жуткая пародия на пляжные сезоны мирного времени. Причины провала крылись не столько в самом замысле, сколько в способе его реализации, и все же это хорошая иллюстрация тезиса о том, что попытки отойти от привычных шаблонов мышления иногда приводят к тому, что тысячи молодых людей вдруг оказываются в деревянных ящиках.

В 1940 году Черчилль, уже успевший пережить несколько головокружительных виражей в своей бурной карьере, рассчитывал на то, что эта его новая идея каким-то образом предотвратит капитуляцию Франции, даже если та потерпит военное поражение. Если «двое станут одним» — *two become one*, как пели Spice Girls (в песне, где речь, как ни странно, идет вовсе не о предполагаемом слиянии Франции и Великобритании, но всего лишь о сексе), — то врагу, чтобы победить одну из этих стран, придется разгромить *их обе*. По крайней мере, именно это подразумевал Черчилль.

Французы предложение отклонили. Возможно, они восприняли его как попытку британцев захватить Францию. Такого рода перспектива могла выглядеть для них не слишком вдохновляющей, особенно с учетом того, что ровно в этот момент они изо всех сил сопротивлялись попытке немцев захватить их. Однако подозреваю, что они просто не видели в этом смысла. У них не было ощущения, что их государственность зависит от преимущества политических институтов. За предыдущие полтора столетия они пережили три монархии, две империи и три республики, а с тех пор — еще две республики. Они понимали, что государство можно разгромить и оккупировать, но страна, нация, само представление о том, что такое Франция, — никуда не денется.

Англичане же воспринимают себя иначе. Вера Линн, может быть, и пела *There'll always be an England* («Англия будет всегда»), но она едва ли была в этом стопроцентно уверена, иначе

не стоило бы об этом и говорить. Точно так же в дежурной фразе «You'll be all right!» («С тобой все будет в порядке!») явным образом ощущается присутствие некой скрытой опасности. Но что на самом деле угрожало Англии как географическому объекту, этой густонаселенной части небольшого острова? Ничего. Песня появилась в 1939 году, то есть задолго до того, как люди начали бояться ядерного апокалипсиса, а наши нынешние страхи по поводу изменения климата и повышения уровня моря возникнут лишь спустя несколько десятилетий. Линн, скорее всего, понимала, что физически Англия выстоит, несмотря на немецкие бомбежки. Да, Англии можно было причинить боль и подвергнуть унижению, многих ее жителей могла ожидать смерть, но сама-то она, конечно, никуда не денется, так же как море и небо.

Поэтому Линн или Черчилль, говоря об Англии, имели в виду не только страну и ее обитателей. Для них «Англия» была чем-то иным, чем «Франция» для французов. Французам идея Черчилля казалась полным абсурдом. Представление о том, будто структура государства, его законы могут быть более важным выражением самой сути «французскости», чем обширная территория Франции, выглядело нелепым. Немецкие солдаты могли топтать ее своими сапогами, но это не превращало ее в Германию — что бы с ней ни происходило, она оставалась Францией.

Для Линн же, как и для Черчилля, существование Англии было неразрывно связано с преемственностью ее институтов. И здесь нужно отметить, что любой британский государственный деятель, рассуждая об «Англии», часто имел в виду «Великобританию». В представлениях британского истеблишмента о государственной преемственности, древнее королевство Шотландия кануло в почти полное забвение — что, вероятно, было еще одной причиной, заставлявшей французов относиться

к предложенному Черчиллем слиянию с недоверием. Соединенное Королевство, по мнению истеблишмента, — это прежде всего Англия. А Англия — это не поля, долины, озера, поэзия, музыка, кухня или фольклор, а в первую очередь столпы ее государственности: ее имперская мощь, ее церковь, ее старинные аристократические семейства, ее парламент и, самое главное, ее монархия. Чтобы всегда была Англия, все перечисленное тоже должно быть всегда.

Монархия — вот то, что заменяет Англии представление о собственной идентичности. Сама преемственность английской системы правления — королевская власть, трансформировавшаяся в несовершенную парламентскую демократию наших дней, — привела к тому, что наше понимание нации, патриотизма и даже культуры оказалось тесно переплетено с организационной структурой, деятельность которой в настоящее время, по сути, сводится к обеспечению страны номинальными руководителями.

В последние несколько лет это стало еще очевиднее. Великобритания находится не в лучшей форме. В обществе растут страх, тревога, заметным фактором становится бедность. Единственными событиями, которые позволили нам хотя бы ненадолго отвлечься от постоянных склок и препирательств, вызванных таким положением вещей, стали платиновый юбилей королевы, за которым вскоре последовали ее смерть и похороны, а затем коронация нового короля.

Именно эти события объединили нас и, пусть даже изрядно приправленные иронией и цинизмом, позволили нам отметить очередную веху нашего существования. Похоже, нам необходимы атрибуты монархической преемственности, чтобы с удовлетворением размышлять о самих себе, так же как для общения нам нужен алкоголь. Англичанам следует опасаться республиканства

больше, чем другим странам, — мы рискуем потерять наше и так довольно размытое ощущение самих себя.

При этом в Шотландии, Уэльсе, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и других странах, с которыми у Англии сейчас общий монарх, ситуация, похоже, несколько иная. Это отличие еще больше бросается в глаза в сравнении с большинством других стран, где не единожды происходили революции и смены государственного строя и чьи жители усвоили в целом полезный урок: они не лишились своей самобытности после того, как у них исчезли короли, а представительские органы получили новые имена.

Английская традиция королей и королев — дело нешуточное, на ней держатся многие важные вещи. Ее долговечность и создаваемое ею ощущение стабильности привели к тому, что Англия практически лишена других скреп. В силу того, что монархия никогда не отменялась (за исключением одного непродолжительного эксперимента в середине XVII века), нам никогда не приходилось всерьез задумываться о том, что мы можем быть не королевством, а чем-то иным.

Так за что же на самом деле мы ратуем — и без чего мы не мы? Свобода и демократия? Традиции и иерархия? Скверная еда и сарказм? Вечные пробки и обманутые ожидания? Судостроение и фабрики? Дождь и юмор? Мы никогда ни о чем не могли договориться друг с другом, и королевская семья давно перестала служить нам образцом поведения. Они лишь улыбаются и избегают называть вещи прямо. В этом и заключался величайший талант покойной королевы: служить тем экраном, на который каждый мог проецировать свои собственные идеи.

Не то чтобы я высказал недовольство всем этим. Я не уверен, что государству следует навязывать своим гражданам единообразную идентичность. Раньше я с некоторым высокомерным недоумением относился к привычке французов и американцев

вывешивать свои флаги везде где только можно — как будто они жить без этого не могут. У нас в Великобритании так не было заведено. Затем Борис Джонсон, отчаянно пытаясь разжечь националистический пыл и отвлечь внимание от явных ошибок своего правительства, объявил, что отныне британский флаг должен развеваться на каждом флагштоке страны, после чего я лишился удовольствия наслаждаться нашей особостью.

Дело в том, что, когда речь идет о миллионах людей, ощущения, что мы — нация, сплотившаяся вокруг общих ценностей, можно добиться, лишь подавив чувства и взгляды очень многих. Люди не так уж часто соглашаются друг с другом, и вряд ли имеет смысл делать вид, что это не так. Истинный консенсус — большая редкость, а открытое несогласие лучше фальшивого единодушия. Всякий раз, когда политики в своих речах упоминают «британские ценности», они делают это только для того, чтобы нас обмануть. Чтобы польстить нам — мол, мы все представляем собой идеальные воплощения свободы, честности, здравого смысла, справедливости, новых возможностей или какой-то другой концепции, с которой на словах согласны практически все, за исключением Ирана и Северной Кореи.

Тем не менее мы с нарастающим беспокойством воспринимаем наше имперское прошлое. Пока Шотландия и Уэльс ищут утешения в собственной культурной самобытности, англичане, составляющие большинство граждан Великобритании, начинают терзаться вопросом о том, как им следует оценивать самих себя. Побочным эффектом этого может быть тот неистовый интерес, который многие из нас проявляют к разрыву между Гарри и Меган с одной стороны и Чарльзом, Камиллой, Уильямом и Кейт — с другой. Надеемся ли мы найти в этом споре какие-то ответы? Не поэтому ли нас так неодолимо тянет к этой мыльной опере — хотя это всего лишь семейная ссора посторонних людей?

Мы вглядываемся в королевскую семью, потому что вглядываемся в прошлое, а монархия возникла из прошлого. Английская идентичность — это история Англии. Эти два понятия кажутся синонимами в большей степени, чем в любой другой стране мира. Лидеры много говорят о будущем, о том, что нам предстоит стать современной, энергичной, ответственной сверхдержавой в области предпринимательства или экологии, науки или образования, — и мы киваем в ответ. Но кто на самом деле считает, что именно это и представляет собой Англия?

Задумавшись над своей собственной — способной озадачить кого угодно — национальной идентичностью, я обнаружил оптимальный способ объяснить свой народ, да и людей в целом, и способ этот — история. И так получилось, что эта книга, рассказывающая обо всех королях и королевах, правивших Англией (и в основном о королях, поскольку добрые старые времена, помимо многих, очень многих других недостатков, отличались крайним сексизмом), на самом деле не о прошлом. Она об истории. История — это школьный предмет, хобби, атмосфера, неуклюже нарисованные портреты королей, зерно для старой мельницы предков, которую переоборудовали в модное кафе; ощущение собственной идентичности.

История всегда идет в ногу со временем. В нашей власти размышлять о ней, манипулировать ею, использовать ее как аргумент в споре или подкреплять ею патриотизм, национализм или коллективное чувство вины — кому как нравится. Прошлое же, напротив, непознаваемо. Оно столь же сложно, как и настоящее. Это бесконечный ряд минувших «настоящих», столь же непостижимых, как и нынешнее. Вот почему историки предпочитают специализироваться на крошечных его фрагментах.

Для Англии, в частности, история — это рассказ о том, кем мы — некая общность людей — являемся и что мы об этом

думаем. Это одна из попыток ответить на великий вопрос человечества: что же, черт побери, происходит? Большинство животных не задаются этим вопросом — рядом с пастбищем для овец можно отгрохать гигантский ангар «Икеи», но те просто продолжают пастись. Ну, может быть, поблеют, проявят некоторое недовольство, обменяются вопросительными взглядами — минут двадцать максимум: им просто все равно. Тогда как у человека попытки ответить на этот вопрос разными способами поглощают огромный объем времени и ресурсов. Этому посвящены все точные науки и все гуманитарные дисциплины. Микроскопы, философии, исследовательские экспедиции, религии и поэмы — все направлено именно на это.

Из всех попыток ответа история — это то, к чему я обращаюсь в первую очередь. В конце концов, если вы входите в комнату и видите, что кто-то стоит на столе, размахивая пистолетом, кто-то еще справляет малую нужду в камин, посреди на полу стоит огромная миска с бисквитным десертом, в которой утонул терьер, а телевизор последние девять минут воспроизводит дивиди с фильмом «Пропавший динозавр»*, и вы задаете этот великий вопрос человечества, то лучшим ответом будет история. То, что было прежде, — лучшее объяснение того, что произошло потом. Это более продуктивно, чем разбираться в нюансах эволюции собак, функционирования человеческих почек или киноиндустрии 70-х годов XX века.

Итак, эта книга — не очень научная попытка объяснить Англию, сфокусировавшись на том, что лично мне представляется наиболее интересным. Чаще всего это как-то связано

* «Пропавший динозавр» (англ. One of Our Dinosaurs is Missing) — британско-американская кинокомедия, вышедшая на экраны в 1975 году. (Здесь и далее — *прим. пер.*)

с человеком в головном уборе из блестящего металла. Если вы полагаете, что это какая-то ерунда, просто вспомните: в современной Великобритании изображения этого головного убора повсюду — на каменной кладке, уличных вывесках, официальных документах и веб-сайтах. И функцию он выполняет ровно ту же самую — ради которой и был когда-то впервые водружен на буйную начальственную голову: служить символом авторитета правителя и утверждать его власть.

ЧАСТЬ I

**ТЕ, КТО БЫЛ
ДО ВИЛЛИ**

ГЛАВА 1

КОРОЛЬ АРТУР

Его никогда не существовало. Это первое, о чем следует упомянуть. Понимаю, начало несколько разочаровывающее, зато вот вам сразу пример того, насколько запутанной может быть история, — далеко ходить не надо. Самый знаменитый король Англии (обычно все же Великобритании, но нередко лишь Уэльса и Корнуолла, а иногда еще и Бретани*) на деле оказывается вымышленным. И это еще мягко сказано. Вот Гэндальф, да, тот действительно вымышленный персонаж. А король Артур — откровенная ложь.

Найдутся такие, кто все равно примется настаивать, будто он существовал, однако образ того человека, на которого они ссылаются, настолько далек от короля Артура в привычном нам понимании, что, похоже, это лишь иной способ сказать, что его никогда не было. Это примерно как заявить: «О да, настоящий Супермен действительно существовал, только никаких сверхспособностей у него не было, и еще он носил костюм летучей мыши».

* Бретань (франц. Bretagne) — историческая область на северо-западе Франции, куда в V–VI вв. шло массовое переселение кельтскоязычного населения Британии (отсюда и название). В некоторых легендах артурианского цикла — арена подвигов рыцарей Круглого стола.

Во избежание сомнений и катастрофического падения доверия читателей к автору уже в первой главе позвольте мне сразу прояснить: я отдаю себе отчет в том, что и Бэтмена тоже не существовало.

Кем, по мнению некоторых людей, мог быть «настоящий» король Артур? Это мог быть римский военачальник, служивший в Британии, или предводитель романо-бриттов, или король валлийцев — словом, некая высокопоставленная фигура, жившая в период с III по VI век (с 200-х по 500-е годы н.э.). Подобная личность, как предполагается, могла оказаться той исторически достоверной песчинкой в устрице воображения, которая со временем превратилась в жемчужину артурианы.

Лично я не думаю, что устрицам воображения так уж нужны настоящие песчинки. Жемчужина артурианы возникла благодаря неизбывному желанию людей практически всех эпох и культур слушать рассказы о славном прошлом. Эта психологическая привычка гораздо более стойкая, чем вера в поступательное развитие и прогресс. Людям свойственно более охотно верить в приукрашенное прошлое, чем в утопическое будущее. Они и сейчас к этому склонны: отсюда такие лозунги, как «Вернем себе контроль» и «Сделаем Америку снова великой».

На протяжении большей части исторического периода, охватываемого этой книгой, любые намерения государственных лидеров что-либо изменить или улучшить подавались в качестве попыток «восстановления» некоего существовавшего, но впоследствии утраченного порядка. Для людей той эпохи это звучало наиболее убедительно. Разговоры о новшествах редко приводили к чему-то хорошему. И наиболее славной реставрацией, программой-максимум было вернуть золотой век короля Артура.

Большей частью имеющихся у нас сведений о короле Артуре мы обязаны Гальфриду Монмутскому, который в 1138 году завершил свою «Историю королей Британии» (*Historia Regum*

Britanniae), а также сэру Томасу Мэлори, чье сочинение «Смерть Артура» (*Le Morte d'Arthur*), увидевшее свет в 1485 году, стало одной из первых книг, напечатанных в Англии. Именно благодаря им артурианскому мифу удалось внедриться в ткань культуры. На протяжении столетий о короле Артуре было столько разговоров, что сейчас многие, как и в случае с призраками, просто верят, что «дыма без огня не бывает». Так оно и есть — другое дело, что это никакая не историческая реальность, но глубоко укоренившаяся психологическая потребность.

В истории Артура проявляется присущая нашему биологическому виду тоска по древнему, сокровенному и магическому. Ближе к концу своей *Le Morte d'Arthur* Мэлори намекает на то, что название вовсе не является спойлером, как может показаться: «Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и [...] многие рассказывают, будто на его могиле написано так: *Hic jacet Arthurus rex quondam rexque futurus* («Здесь лежит Артур, король бывшего и грядущего»).

Это великолепный пассаж, который заставляет задаться навязчивым и волнующим вопросом: неужели король Артур вернется? Очень недурно, потому что, по сути, это ведь еще и провокационный вопрос из серии «Давно ли вы перестали пить коньяк по утрам?». Независимо от того, отвечаете вы «да» или «нет», вы уже соглашаетесь с тем, что Артур существовал.

Уже по самим датам выхода этих двух книг можно понять, почему Артур, который, как предполагается, жил и правил в V или VI веке, на большинстве сохранившихся портретов выглядит как типичный средневековый король. Это для нас король Артур — персонаж из преданий старины глубокой, а вот для людей Средневековья он был одет по последней моде. Они представляли его в облике современного им монарха, но при этом

лишенного многих пороков — идеальным воплощением справедливости, могущества и легитимности.

Для них Артур мог быть кем угодно и чем угодно. А как же страна, которой он правил? А она называется Альбион. А что такое Альбион? Само имя это звучит столь поэтично и «по-старинному», что это уже не просто старое название Британии. Это слово может обозначать все, что душе угодно: английскую Британию, валлийскую Британию, шотландскую Британию, кельтскую Британию, древнебриттскую Британию — любую улучшенную версию той страны, которая существует сейчас.

Поэтому, хотя никакого короля Артура и не было, сам образ его — в качестве укора или образца для подражания — так или иначе присутствовал в сознании многих реально существовавших правителей.

ГЛАВА 2

КОРОЛЬ КОРОЛЬ

Есть еще кое-что такое, чего не было в VI веке, — это Англия. Никто не называл ее так сотни лет. Правда, сколько именно лет, точно не скажешь, никто ведь не устраивал официальной церемонии смены бренда. Тут не было как с Royal Mail (Королевская почтовая служба), которая в какой-то момент стала называться Consignia, или как с Andersen Consulting, которая превратилась в Accenture, а Consignia опять стала Royal Mail*. Не было такого дня, когда все вывески с надписью «Британия» вдруг сняли и заменили на что-то еще. Да и какие уж тут вывески. Читать-то почти никто не умел. Последние две фразы, впрочем, описывают большую часть истории человечества, так что, я надеюсь, вы не рассчитываете на то, что времена, о которых идет речь в этой книге, придутся вам по вкусу.

«Англия» была одним из таких слов, к которым привыкают постепенно, — вроде «менсплейнинг» или «стейкейшн»**,

* В январе 2001 года Британская государственная почтовая корпорация (на тот момент официально называвшаяся The Post Office) была переименована в Consignia, но новое название не прижилось, и уже через год, после бойкота со стороны профсоюза работников связи, организация вновь сменила вывеску, став Royal Mail Group.

** Английские неологизмы, образованные посредством слияния слов таким образом, что получившаяся в результате лексическая единица сочетает значения своих составных частей. Так, mansplaining

и к тому времени, когда ее королем сделался Вильгельм Завоеватель (полагаю, вы о нем слышали), название уже успело войти во всеобщее употребление. Большинству людей известно, что в 1066 году Вильгельм Завоеватель (тогда еще этого прозвища не носивший) выиграл битву при Гастингсе и стал королем Англии. Если говорить о потенциальной аудитории этой книги, «большинство» можно спокойно заменить на «всех». Если среди вас, дорогие читатели, есть такие, кто этого еще не знал, я был бы очень рад познакомиться с вами, потому что это означает, что вы действительно читаете книгу в жанре, которым раньше совершенно не интересовались. Вы — если вы существуете (а я готов поспорить, что нет) — радикальный нарушитель всех и всяческих алгоритмов. Это как если бы кто-то взялся за биографию Элвиса Пресли, не подозревая, что тот был музыкальным исполнителем. С точки зрения статистики то, что вы делаете, вероятно, еще более необычно, чем то, что сделал Вильгельм Завоеватель.

Возможно, с этого нам и стоит начать: с Нормандского завоевания, когда начинается английская история в собственном смысле слова. Я имею в виду — нормальная история, с принятой по сей день нумерацией монархов. Если принц Уильям станет королем под тем именем, которым его сейчас называют (что бывает не всегда и часто приводит к путанице — вспомним Эдуарда VIII, которого до коронации называли Дэвидом, и Георга VI, бывшего принцем Альбертом), он будет Вильгельмом V, то есть пятым по счету в том ряду, где Завоеватель стоит

составлено из map «мужчина» и explain «объяснять» (термин применяется к ситуации, когда мужчина снисходительно или упрощенно пытается объяснить что-то женщине, считая ее глупее себя), а staycation (от stay «оставаться» и vacation «отпуск») означает отпуск, проведенный недалеко от дома или вовсе не выходя на улицу.

на первом месте. Почти официально считается, что английская история начинается именно с этого момента.

За несколько месяцев до того, как первый Вильгельм вступил на берег Англии, умер король Эдуард Исповедник. После смерти у него сложилась еще более блестящая карьера, чем при жизни, потому как он стал святым. Это ведь покруче, чем просто король, правда? Честно говоря, сам я не слишком в восторге от того, что королей объявляют святыми. Это как генеральные директора крупных компаний, которые получают рыцарские звания, оказываясь в одной компании с благотворителями, которые жизнь положили на сбор средств для детских приютов, но в итоге вынуждены довольствоваться званием кавалера ордена Британской империи*. Тем не менее именно так все и было. Эдуард Исповедник угодил в святые, хотя его ни разу не сжигали заживо, не прибавали к чему-либо гвоздями, — и не просто святым, а таким, в честь которого позднее получит имя еще один король Эдуард. Но именно этот более поздний тезка станет Эдуардом *Первым*. Исповедник же, при всем к нему почтении, как и прочие английские короли до Вильгельма Нормандского, просто не считается.

Единственное, что мешает назвать Вильгельма Завоевателя первым королем Англии, — это то, что сам он так себя не называл. Не привязывал к этому свою идентичность — как выразились бы те, кто живет в начале XXI века. Вильгельм видел себя в роли законного наследника Исповедника, и не потому, что он был из тех идиотов, которым кажется, что слова выглядят правдоподобнее, если они рифмуются, — как «successor» и «Confessor». Впрочем, даже не знаю, кем уж надо быть, чтобы поверить в подобную чушь.

* Кавалер (или член, англ. member) — низшая, пятая, степень этого ордена.